

— Ленинград, 25 марта 1978 г.

Драгоценнейшему Александру радоваться!
Эту строчку Димуля вывел славянской вязью.

— Прошло уже две недели Великого Поста. Первая неделя - моё самое любимое время в ряду православных богослужений: мрачный фейерверк ежедневных служб с чтением Великого канона Андрея Критского - самой импозантной поэмы раннего средневековья (VII век), с великолепными песнопениями (обычно Бортнянский, т.е. рококо, но во вкусе лучших григорианских традиций) и с покаянной молитвой св. Ефрема Сирина (IV век). Эта молитва очень нравилась Пушкину. Сейчас я напишу её по-славянски, а потом - стихотворение Пушкина с её переложением.

_____ Господи и Владыко живота моего,
_____ дух праздности, уныния,
_____ любоначала и празднословия
_____ не даждь ми. _____ (поклон в землю)
_____ Дух же целомудрия, смиренномудрия,
_____ терпения и любви
_____ даруй ми, рабу Твоему. _____ (поклон в землю)
_____ Ей, Господи, Царю,
_____ даруй ми зрети моя прегрешения
_____ и не осудати брата моего,
_____ яко благословен еси во веки веков,
_____ аминь. _____ (поклон в землю)
_____ Боже, очисти мя, грешнаго! (12 раз с малыми поклонами)

Вся молитва от начала до конца с одним поклоном в землю в конце.

— А вот как эта великолепная молитва переложена у Пушкина:

_____ Отцы пустынники и жёны непорочны,
_____ Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
_____ Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
_____ Сложили множество божественных молитв;
_____ Но ни одна из них меня не умиляет,
_____ Как та, которую священник повторяет
_____ Во дни печальные Великого Поста;
_____ Всех чаще мне она приходит на уста
_____ И падшего крепит неведомою силой:
_____ Владыко дней моих! дух праздности унылой,
_____ Любоначала, змеи сокрытой сей,
_____ И празднословия не дай душе моей.
_____ Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
_____ Да брат мой от меня не примет осужденья,
_____ И дух смирения, терпения, любви
_____ И целомудрия мне в сердце оживи.

1836.

— Написано незадолго до смерти, сразу за "Когда великое свершалось торжество", "Как с древа сорвался предатель ученик", "Недорого ценю я громкие права" и непосредственно перед "Когда за городом, задумчив, я брожу" и "Напрасно я бегу к сионским высотам". Удивительным образом эти последние стихи по своему языку напоминают его самые младенческие опыты ("Навис покров угрюмой ночи"), но какая пропасть между ними! Я по-прежнему очень люблю Пушкина.

— Рифмовка в молитвах сейчас выглядит искусственной и манерной, но когда они создавались, - было не так. Тот же святой Ефрем Сирийский был замечательным поэтом, создавшим целую школу в восточной поэзии (без него немыслима позднейшая арабская и персидская поэзия). А приведённая молитва на арамейско-сирийском наречии, т.е. в подлиннике, звучит так:

ktubat	bgalyätä
šbihat	bkasyätä
mîrat	bkaryätä
tmîhat	bsetlätä

Наивная метрика и аллитерация. Так звучит завораживающе и лучше запоминается.

— В первую неделю Поста (как и в последнюю, Страстную, как, впрочем, и в Светлую, следующую за Страстной) мы не учимся. Всё время отдаётся молитве. Раньше на этих неделях были закрыты все государственные предприятия, а из частных принудительно закрывались цирки, шантаны, музей, театры, в общем, всякие развлекательные заведения. Это, конечно, хорошо, но времени до Пасхи остаётся совсем немного, а с Пасхой кончается учебный семестр. Я же совсем не успеваю уложиться в программу на своих лекциях. Только-только кончил со своими олухами Аристотеля и проблемы средневековой философии, наконец приступил к основной части - занудным силлогизмам, индукциям, дедукциям - зевота доносится.

— Через две недели сдавать сочинение по патрологии - полный завал. У нас с этим делом строго. Если ты не сдал сочинение до 17.00 назначенного дня в канцелярию, тебе назначается новая тема уже не по выбору, а принудительно, и писать надо в невозможно короткий срок. А за "пару" исключают. Здесь вообще не нянчатся: поступить трудно, желающих много, не хочешь учиться - проваливай: на место исключенного немедленно принимается кто-нибудь из резерва.

— Вот такие дела. Надеюсь, у вас всё хорошо. Большой привет Сашуле. Знаю, что твоя мама недавно была в Ленинграде. Заходил ко мне Димочка Понявин (1) (прелестный юноша), говорил, что его мама поехала на встречу с твоей. Он занимается солнечными полями, рассчитывает на машине для прогнозирования возмущений. Скоро будет защищаться. Бегаёт ко мне за всякой литературой: увлекается Флоренским.

— (1) Димочка Понявин - вот чудеса! Его мама - тётя Лиля Понявина, врач, сестрорецкая ещё подружка моей мамы. Её я хорошо помню, особенно рот - открываются верхние дёсны, когда смеётся. А самого Димочку, если и видел, то не запомнил. И вот он - выпускник нашей кафедры и бегаёт к Димуле.

— Всего хорошего, целую, Дима.

Ленинград, 12 апреля 1978 г.

Дорогой Сашок!

—Идёт пятая неделя поста. Приближается Страстная неделя и Пасха. У нас все в ужасном цейтноте. Я тоже. Из-за ежедневных служб и занятий свободными остаются только ночи. И вот ночью приходится готовиться к лекциям по логике (излагаю самую сложную часть курса - классическую силлогистику) и читать, читать литературу к своему сочинению, которое мне нужно сдать через 4 дня. Максим Исповедник, мерзкие еретики - монофелиты ... Максим - чудо. Я очень рад, что избрал эту тему по патрологии. Жаль, что нет времени: я бы о нём книгу написал. Сейчас же придётся ограничиться несколькими листками.

—Недавно имел беседу с нашим лучшим профессором по догматике, о. Ливерием Вороновым, о теме моей кандидатки. Он уповаает на то, что я возьмусь писать об одной классической работе XIX в., о Символике Mohler'a. Это интересно, но боюсь пока давать согласие, т.к. не уверен, что мне удастся за год хотя бы перевести её с немецкого языка, не то чтобы что-то написать о ней. Да и неизвестно, согласится ли с этой идеей м. Никодим.

—Пишу, только что придя домой со "стояния" Марии Египетской, - одна из моих самых любимых служб в году. Помню, какое впечатление она произвела на меня когда-то в Никольском соборе. Во время неё читается не только великолепное житие Марии (есть русский перевод, весьма изысканный, в "Византийских легендах", Л., Наука, 1972), но и целиком (!) весь канон Андрея Критского. Высота невероятная. Немного, правда, утомляет метафорика, возведённая здесь в поэтический принцип.

—Зато послезавтра, в пятницу, будут впечатления совсем иного порядка. Будет очень светлая, вся переливающаяся служба, когда единственный раз в году поётся знаменитый в веках акафист Богородице ("Взбранной Воеводе" - "O, erwahlte Herzogin!"). Кстати, о немецких переводах. Сегодня я выпросил у одного студента-бенедиктинца из Вены, о. Бонифация, полистать красиво изданные в Мюнстере томики с переводом всей "Постной Триоди" - гордость Францисканского ордена. Перевод выше всех ожиданий. Издан перед самой войной францисканским священником, знатоком греческого языка и поэтом о. Баумгартеном, которого в 1943 г. повесили в Бранденбурге. В Германии было уничтожено 1/2 католических священников и почти все монахи и монахини во исполнение заветов столь любезного нашим эстетствующим интеллигентам Ницше. Папа Пий XII молчал. Да и как было не молчать? Только тупые и бессердечные люди могли его упрекать в этом. А он в подвалах Ватикана и своей дачи под Римом скрывал сотни евреев. Это был великий папа. Ему выпало трудное время. У нас его обычно изображали с волчьей пастью и благословляющим какие-нибудь танки и бомбы.

—Гнусность есть гнусность. Добро есть добро. Истина есть истина. Хотя я, как и каждый, причастен и тому, и другому, и третьему, со временем во мне всё же вырабатывается притупленная с детства способность различать и в себе, и во вне эти вещи. С прискорбием вспоминаю пустые годы, когда моя голова была забита всем на свете: тут и Т. Манн, и Г. Гессе, и "Мир как воля и представление" (Мквипредст - как было принято называть у пижонов), и Пушкин, и Мария Египетская, и Пруст, и всё прочее... и всё как ветошь на свалке, без порядка, без личного живого отношения, без смысла... Как говорит один мой юный знакомый - "интеллигентная помойка".

—В воскресенье вечером к нам в церковь пришёл Димочка Понявин. Были Страсти по Луке. После мы с ним гуляли и обменивались впечатлениями. Я предложил его внутреннему испытанию такую картину:

—Христос на Голгофе. Смерд, пот, кровь, вокруг толпа иудеев, с разными чувствами глазающих на казнь. Его Мать, наблюдающая кровавую агонию Сына...

—Эта же картина, возведённая через икону на духовную высоту освящения и катарсиса в Церкви, что мы наблюдали сегодня вечером.

—Эта же картина, перенесённая из реально-человеческой в скотски-атеистическую плоскость наслаждающейся "хлебом единым" и "духовно" умиляющейся интеллигенции: заезжая труппа "даёт" Страсти Баха в переполненном и сияющем зале Госфилармонии. Толпа спешит на казнь. Интеллигентки наводят спешный марафет на свои хари, не

забывают прихватить свои лакированные туфельки, интеллигентные петушки бьют крылом возле своих интеллигентных клушек. С "одухотворёнными" лицами они "внимают" ... Чему внимают? Да ничему. Просто "внимают". Они внимают "божественной" музыке Баха. Charmant! Нет, не charmant: тенора сегодня подкачали, - вчера было charmant. Ну и т.д. - всё это мы сто раз видели.

— Небольшая перестановка. В зал входит Бах. Что он сделает? Разрыдается? Сделает себе харакири? Вдарит по зубам какой-нибудь клушке с университетским образованием из наиболее "духовных"?

— Вот тот же Равич мне пишет: "Но ведь музыка сама в себе несёт такое богатство духовного содержания!" Какое богатство? Какого содержания? А я почём знаю? Просто содержания, и всё тут. Поэтому я закачу глаз и буду "одухотворяться" (читай - онанировать).

— Бессмыслица и гнусность. Всё перевёрнуто, искажено, извращено. Они в тысячу раз гнуснее той толпы иудеев.

— Adieu, пиши, с наилучшими пожеланиями, Дима.

— Однако! Бедная интеллигенция, досталось же ей. Сколько язвительности - до откровенной грубости. По-христиански-то её пожалеть бы надо, а тут сплошная полива. Я написал об этом Димуле (на бумаге из блокнота, который выдавали нам на конференции КОСПАР в Ленинграде в мае 1970-го за неимением под рукой другой и извинялся за это). Димуля ответил.

Ленинград, 13 мая 1978 г.

Сашок, дорогой мой, здравствуй!

— Бумага с КОСПАРа - как давно это было! Не худший вариант. Рад получить от тебя весточку хоть на салфетке.

— Воистину правда, что язык мой - враг мой. И ещё евангельское изречение: от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. Я, конечно, иногда бываю резок в суждениях. В оправдание себе могу сказать лишь то, что это бывают суждения, но отнюдь не суд, т.к. про себя я не допускаю даже тени мысли, что я лучше тех людей, о которых я пишу. Да и пишу-то я об этих людях, в том числе о Равиче потому, что мне их, как и тебе, жалко.

— Дорогой Сашуля, мне каждый день приходится вести беседы с людьми (преимущественно молодыми) в таком количестве, что голова идёт, бывает, кругом. Сам понимаешь, что наша Академия служит местом постоянного паломничества любопытных. Бывает до 15-ти - 20-ти разговоров. Люди разные, от разбитной рабочей молодёжи до студентов-философов, от настроенных явно хулигански до писающих в штаны от страха (или благоговения?). Основное впечатление (кроме радостной усталости), которое я выношу из всех этих бесед, - жалость и тоска, бедные, обездоленные, обкраденные люди! С детства их лишили того, что составляет величайшую радость, свет и достоинство человека. Приниженные в своём умопомрачительном невежестве, доведённые до почти полной атрофии самой человеческой из человеческих способностей, - способности метафизического мышления - этого венца и украшения человеческой природы, лишённые элементарнейших гуманных знаний и т.д., и т.д., - и так каждый день, каждый день... Сашуля, это оставляет страшное впечатление. При этом люди разного образовательного ценза даже не отличаются друг от друга, ибо образование их, как правило, сводится к умению читать, писать, считать плюс несколько специальных научно-технических навыков механического характера. Людей этих я стараюсь встречать и беседовать с ними как можно более приветливо, с каждым на его языке. И, разумеется, не допускаю до конфликтных ситуаций, ... кроме тех случаев, когда я вижу невежество, выдающее себя за

знание. Самозванству такому я обычно не даю пощады: оно не только вредит самому самозванцу, но и отравляет и обкрадывает всех вокруг. Когда я слышу ложь по радио, читаю её в печати и т.п., я не имею прав и сил обличить её. Когда речь идёт о частной беседе или переписке, - я считаю себя обязанным это делать. Примерно такая ситуация сложилась у меня и с многопамятным Равичем (и с многими другими). Мне жаль его, поверь мне, не меньше тебя. Но всем сердцем желая ему добра, я не могу видеть это добро в том, что я стану попускать ему в его безапелляционных претензиях. До тех пор, пока он держит эти претензии при себе и не даёт им хода, его мнение - не моё дело. Но высказанные лично мне или другому в моём присутствии, они становятся и "моим делом" тоже. Вот, предположим, он пишет мне, что ап. Павел, с его точки зрения, - надутый чванливый человек, вызывающий у него не очень почтительную улыбку. Если бы я знал, что это его мнение о человеке, служащем вот уже 2000 лет объектом благоговейного удивления миллиардов людей и меня в их числе, что это его мнение явилось результатом пусть чуждого мне, но всё же серьёзного размышления, то я, без сомнения, попытался бы проникнуть в его чувства и мысли и вступил бы с ним в серьёзный спор по возможности без сильных эмоций. Но поскольку я знаю, что этот интеллигент не читал ни одного послания ап. Павла, не знает ничего о его жизни, вообще ничего о нём не знает, то я считаю себя не только вправе, но из уважения к памяти великого апостола и обязанным поставить наглеца на место.

— Так произошло и со смехотворными "функциями плоти". Высказанная мне в частном письме эта белиберда не столь уж невинна. Её исповедует не только этот человек, но подобные ему люди внушают её миллионам неискушённых голов, да и он сам будет преподносить её своим детям, выдавая за "плод мысли". Мой ответ ему тебе вкратце известен. Казалось бы достаточно, чтобы интеллигентному человеку задуматься над этим всерьёз. Но ты знаешь, что он мне после этого написал? Он написал, что напрасно я посмеиваюсь над его мнением: он берётся доказать, что оно вполне серьёзно, а не смешно. Разумеется, он считает всё "духовное" качественно "высшим" по сравнению с "плотью" (вероятно, имеется в виду "материя" в энгельсовском смысле). Искусство, культура, религия, - всё это прекраснейшие здания. Но... ведь не бывает же зданий без фундамента.

— Т.е. "база и надстройка". И этот человек способен не только сам удовлетворяться столь ничтожным доказательством, но и рискнул предложить его мне. "Все здания имеют фундаменты. Следовательно, здания суть функции фундамента". Я пересказал этот диалог своим студентам 1 курса и дал им на дом задание проанализировать "размышления" интеллигента. Половина ответила верно: интеллигент построил энтимему 1 порядка с выпущенной ложной посылкой. И в самом деле, даже без энтимем, где это видано, чтобы здания сами вырастали из своих фундаментов без посторонней помощи? "База и надстройка" - броско, ярко, легко усваивается... хотя и бессмысленно. И человек доживёт до седых волос, будет считать себя "интеллигентом", способным вступать в философские споры, и до седых волос будет тешить себя такими доказательствами. Себя-то пусть тешит. Но тешить меня я не позволю. Будь уверен, - я ответил ему так, что ему, наверное, пришлось призадуматься.

— А тут недавно ещё ребята из физтеха мне рассказали, что он выступил на философском семинаре с докладом "Научно-техническая революция и религия". Говорил о том, какой удар революция в науке нанесла религии, о том, как низка наша атеистическая пропаганда, о том, что её необходимо поставить на высокий уровень (это его-то уровень высокий), о том, что религию надо подрывать изнутри. И вот поскольку он уже прочёл одну книжку по религии, он уже сидит внутри её и будет подрывать (вместе с собою, раз он внутри, что ли?).

— Разумеется, когда речь идёт о частном диалоге, человек смеет высказывать всё, что он думает. Здесь нет нравственной проблемы, т.к. участники диалога находятся в равных условиях. Но когда человек берётся выступать перед аудиторией в полной уверенности, что не только не найдёт в ней компетентного оппонента, но даже если бы такой оппонент

нашёлся, ему не дали бы высказаться, тогда "говорить, что ты хочешь и думаешь" - определённая моральная задача.

— Да и о самой компетентности: я понимаю, если бы такой доклад делал человек, причастный и этой самой революции и религии. Тогда его доклад был бы и ценным и интересным. Понятен мне был бы и безбожник, выступающий с докладом "Научно-техническая революция и безбожие", т.к. эта тема представляет собою вполне законный психологический интерес (говорил ведь Эйнштейн, что естествоиспытатель, не преклоняющийся перед божественной творческой премудростью, пронизывающей космос, - нелепица: непонятно, чем же тогда он занимается). Но когда уровень знаний человека в какой-то области едва-едва отличен от нуля, невежество же беспредельно, его сообщение из этой области заведомо неценно и неинтересно.

— Вот против такого-то, Сашуля, самозванства всех этих эстетов, интеллигентов я восстаю. Людям поскромнее я не досаждаю.

— Кстати, всё, что я пишу о частных лицах, - пусть будет между нами. Я не хочу, чтобы это походило на сплетню. Ну, хватит об этом. (2)

— (2) *Димино объяснение его несдержанности в оценках мнений Равича и "интеллигентной помойки" меня вполне удовлетворило.*

— С твоим отзывом о цитатах из "логического" романа (3) целиком и полностью согласен. Его сравнивают со Свифтом. Пожалуй, похоже. Но и Свифт - того же поля ягода. Бесперспективная сатира скучна.

— (3) *"логический" роман" - выписки, которые Димуля послал мне вдогонку после моего отъезда из Ленинграда.*

— С другим твоим положением о том, что "важно лишь то, как люди друг к другу относятся" (4), я согласиться не могу. Если бы для меня лично было важно только это, то спрашивается, зачем мне было бы заваривать свою кашу с Церковью? Достаточно было бы стараться быть добрым человеком (что в общем и целом неисполнимо). Зачем тогда Крест, воды Крещения и Евхаристическая жертва? Да и какой смысл в правде, которая сгнивает в могиле? (5) Такая правда (добро) - уже не правда, а вопиющая неправда, несправедливость.

— (4) *К сожалению, я не помню контекста этого своего высказывания.*

— (5) *Димуля задаёт вопросы ("зачем мне было бы заваривать свою кашу с Церковью?", "зачем тогда Крест...?", "...какой смысл в правде, которая сгнивает в могиле?"), которые следовало бы задавать мне, а ему отвечать на них. Поскольку я их не задаю, он как бы подсказывает их мне - вопросы, а не ответы.*

— Роман Маркеса (6) я не читал. Вообще ничего, кроме "100 лет одиночества" больше не читал. А сейчас и некогда. Сессия. Надо сдать 10 экзаменов. Пока сдал только один.

— (6) *"Осень патриарха".*

— Целую. Дима.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)